ждать, выросла вся гражданская поэзия декабристов и молодого Пушкина и, значит, всего XIX в.:

Страха связанным цепями
И рожденным под жезлом,
Можно ль орлими крылами
К солнцу нам парить умом?
А хотя б и возлетали —
Чувствуем ярмо свое.[3]

В «Оде к Фелице» Державин — может быть, и скорее всего, не без иронии — обращается к Екатерине, словно понимая, что просьба его направлена не по адресу:

Подай, Фелица! наставленье:
Как пышно и правдиво жить,
Как укрощать страстей волненье
И счастливым на свете быть?[4]

«Ода к Фелице» была написана Державиным в 1782 г., когда ему было 39 лет. Живя в Петербурге почти 20 лет, Державин не мог не знать, что́ представляла собой Екатерина в действительности; таким образом, просить ее давать наставленье в том, как укрощать волнение страстей, можно было только в насмешку, как в насмешку можно было спрашивать у нее совета,

Как пышно и правдиво жить.

Однако несомненно, что хотя эти вопросы были обращены и не по адресу, тем не менее они действительно волновали Державина на протяжении всей его творческой деятельности. Несомненно, у него был свой определенный высокий нравственный идеал, и каковы ни были его житейские отступления от этого идеала, читатель, если он обращал внимание на этическое содержание произведений Державина, а не на отыскание формальных признаков, которые позволили бы отнести его в лагерь классиков, преромантиков, ранних реалистов или поздних бароккистов, — такой читатель мог учиться у поэта. И у Державина учились и в начале XIX в., и позже. Лучшим подтверждением сказанного представляется мне опять-таки дума Рылеева «Державин».

Если мы обратимся теперь к рассмотрению отношений современников и последующих поколений к Карамзину, мы увидим

---

[3] Г. Р. Державин, Стихотворения. «Библиотека поэта». Большая серия. Л., 1957, стр. 247.
[4] Там же, стр. 98.